

Alexander Spoehr. *Majuro. A village in the Marshall Islands*. Chicago, 1949 (Chicago Natural History Museum, Fieldiana, «Anthropology», v. 39).

Вот уже несколько десятилетий, как все антрополого-этнографические исследования в Океании взяты на откуп американским капиталом. Сразу же по окончании 1-й мировой войны империализм США повел политику постепенного овладения всем Тихим океаном. Этой цели были подчинены и научные исследования — своего рода предварительная разведка местности. На протяжении 20-х и 30-х годов проводились широкие по масштабу исследования на ряде архипелагов Полинезии. Исследования эти велись от имени «Музея Бишопа» (Гонолулу, Гавайи), силами квалифицированных специалистов, большей частью местных уроженцев и американцев, а за спиной их стоял американский капитал, отнюдь и не скрывавший своего участия: материальная база экспедиций была создана «пожертвованиями» американских миллионеров («фонд Рокфеллера» и «фонд Байарда Доминика»).

Экспедиции и исследования велись столь основательно, что уже перед второй мировой войной Полинезия оказалась достаточно изучена. Очередь была за Микронезией. Но Микронезия была в те годы за семью замками для американцев. На эти архипелаги Япония имела мандат Лиги Наций и никого, а особенно американцев, на них не пускала. Японцы развили на островах Микронезии (область «Наньо», как они ее называли) бурную колонизационную деятельность, коренное население подвергалось тяжелому гнету и было обречено на медленное вымирание (прирост населения совершенно прекратился).

Разгром Японии в 1945 г. отдал острова Микронезии в руки американского империализма. Там построены многочисленные военно-морские и воздушные базы, ибо область эта в виду ее близости к Азии имеет огромное стратегическое значение для поджигателей новой мировой войны. Американцы начали прочно «осваивать» эту важную для них область. Необходимой частью «освоения» являются и научные исследования. С этой-то точки зрения и любопытно появление книги известного этнографа-американиста Александра Спура, посвященной одной из деревенских общин Маршалловых островов.

По содержанию книга ничем особенно не замечательна. Автор сам предусмотрительно предупреждает читателя, что цель его исследования — не реконструкция «туземной культуры» островитян и не специальное изучение процесса «аккультурации» (что в такой мере у современных американских этнографов), не трактовка какой-либо теоретической проблемы на конкретном фактическом материале, и, тем более, не подробная этнографическая монография. Его задача — просто «показать главные черты социальной организации маршалловых островитян, описав социальные группы, существующие в одной из деревень архипелага, и некоторые из учреждений, действующих в жизни деревни» (стр. 15—16). Действительно, это чисто эмпирическое описание некоторых форм общественной жизни, без какой-либо попытки обобщения или выводов.

Но и как чисто описательное изложение фактического материала книга Спура дает мало. Автор избрал предметом своего интереса социальную жизнь, — но ведь известно, что как раз ее-то буржуазные ученые неспособны понять. И в самом деле, несмотря на довольно подробное изложение автором некоторых фактов общественной жизни островитян, книга его оставляет читателя в неясности: что же все-таки представлял и представляет собой общественный строй населения Маршаллова архипелага и в частности острова Маджуро?

По данным автора, деревня Маджуро (единственная на одноименном атолле) составляет общественную единицу. Внутри нее есть 23 матрилинейных «клана», делящихся в свою очередь на матрилинейные же фамилии «*bwij*». Последние распадаются на домохозяйства, состоящие из больших или малых семей. С другой стороны, население разделено на классовые или сословные группы: знать («ирон», «бурак») и простых общинников («каюр»), с выделением из них глав семей «алаб» (мужчин или женщин). Во главе — два вождя, между собой соперничающих. Японские, а теперь американские оккупационные власти внесли существенные изменения в этот социальный строй, но основы его остались.

Все это описывается с точки зрения привычных для американских буржуазных этнографов категорий «социальных группировок» (*social groupings*). Понять подлинные формы общественной жизни из этого описания трудно. Формы собственности, наличие эксплуатации и формы ее, положение массы населения — обо всем этом нельзя составить себе сколько-нибудь ясного представления из книги. Из отдельных, вскользь брошенных замечаний автора видно, что рядовой массе населения живется тяжело, но он явно избегает об этом прямо говорить. Все же он вынужден, хоть мимоходом, сказать, что рядовой земледелец получает обычно лишь около $\frac{1}{4}$ урожая, собранного его руками, а половину отдает «вождям» (стр. 99). При этом, по сообщению Спура, природные ресурсы острова вообще очень ограничены, изобилия в пище никогда не бывает (стр. 28, 134 и др.), и именно пищевые продукты — главный вид дани ст общинников «вождям» (стр. 153). К тому же американские власти отобрали для «военных нужд» часть и без того нехватавшей земли (стр. 28). Японцы в дни своей власти приказали населению вырубить часть хлебных деревьев (главная пища островитян) и посадить на их место кокосовые пальмы для выделки экспортной копры; они приучали местных жителей к покупной пище, чтобы форсиро-

вать вывоз копры. Запасы таро японцы отобрали (стр. 149, 150, 152). Американцы же в общем следуют японской политике,— хотя автор говорит об этом весьма уклончиво (стр. 96).

Излагая в вводной главе краткую историю изучения Маршалловых островов, Спур умышленно не упоминает первых серьезных исследователей — русских моряков, которые в 1816—1817 и в 1824 гг. («Рюрик» и «Предприятие») открыли впервые целый ряд островов архипелага и дали их весьма ценное описание. Автор знает об этих экспедициях и в другой главе их вспоминает (стр. 30). Но признавать приоритет русской науки — у американских авторов теперь не в моде.

Научная ценность книги Спура невелика. Но появление ее весьма показательно. Американский империализм стремится закрепить за собой вновь захваченные колонии. Для организации колониального управления требуется знать общественный быт коренного населения, — отсюда преимущественный интерес к «social groupings», которые описываются поверхностно в научном отношении, но достаточно для практических целей колонизаторов.

Целей же этих не скрывает и автор книги, хотя и облакает их в благовидную форму. «Как бы то ни было,— говорит он,— последняя ответственность за будущее благосостояние (!) микронезийцев ложится в значительной степени на граждан С. Ш. Если это скромное сообщение поможет более широкому распространению знания о Микронезии и ее народах среди заинтересованных американцев,— она послужит полезной цели» (стр. 7). Цель — для империалистов действительно полезная.

С. А. Токарева